

УДК 141.21

ПРОБЛЕМА ОПТИМИЗМА У КАНТА:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ СПОРА¹

А. Н. Круглов²

Понятие оптимизма в его кантовском значении середины XVIII в. лишь изредка оказывалось предметом пристального внимания кантоведов. Оно уходит своими истоками в «Теодицею» Г. В. Лейбница и споры о том, является ли действительный мир наилучшим из всех возможных. В данной статье, представляющей собой первую часть двухчастного цикла, исследуется исторический контекст возникновения кантовского приглашения к лекциям 1759 г. «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме». Кратко очерчены условия конкурса Берлинской академии наук на 1755 г. о сравнении систем А. Поупа и Г. В. Лейбница и об оценке оптимизма, а также показаны филологические трудности, связанные с переводом на французский строки Поупа «Whatever is, is right» в конкурсном задании, равно как и с ее переводом на немецкий и русский языки. Продемонстрирована роль Вольтера и его «Поэмы на разрушение Лиссабона», а также повести «Кандид, или Оптимизм» в изменении *post factum* восприятия итогов конкурса и появлении новых оттенков у понятия оптимизма. На основании эпистолярного наследия И. Канта сделан вывод о том, что, несмотря на всеевропейское значение землетрясения в Лиссабоне в 1755 г. для восприятия проблемы оптимизма и наилучшего мира, кёнигсбергский философ в 1759 г. подходит к обсуждению данного вопроса в рамках полемики с крузианской философией. Изложена аргументация Хр. А. Крузия против существования наилучшего мира, за существование нескольких хороших миров и выбора среди них Богом действительного мира на основе свободы противоречия (*libertas contradictionis*) и свободы противоположности (*libertas contrarietatis*), которые устраняются в учении об оптимизме.

Ключевые слова: Кант, Крузий, Вольтер, оптимизм, теодицея, *libertas contradictionis*, *libertas contrarietatis*.

В 1759 г. приват-доцент Кант опубликовал небольшую брошюру, являющуюся предуведомлением к его лекциям в новом семестре в университете Кёнигсберга. Ее заглавие — «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме» — до сих пор ставит в тупик тех немногих читателей, которые интересуются докритическими произведениями Канта. О каком именно оптимизме идет речь и почему это центральная тема, вынесенная прямо в заглавие? Попытки отыскать какой-либо ответ в иных печатных сочинениях Канта не дают никакого результата. За исключением брошюры 1759 г., да и в той лишь

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ / РФФИ научного проекта № 16-24-49004.

² Российский государственный гуманитарный университет, философский факультет, 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Поступила в редакцию 20.08.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-1

© Круглов А. Н., 2018

KANT AND THE PROBLEM OF OPTIMISM:
ORIGINS OF THE DEBATE¹

A. N. Krouglov²

Kant scholars have rarely addressed the notion of optimism as it was interpreted by the Königsbergian philosopher in the mid-18th century. The notion originates from Leibniz's Theodicy and from debates over whether the actual world is the best of all possible worlds. The first of a two-part series, this article studies the historical context in which appeared Kant's 1759 lecture advertisement leaflet entitled *An Attempt at Some Reflections on Optimism*. The study describes the requirements of the 1755 Berlin Academy of Sciences' competition for a comparison of G.W. Leibniz's and A. Pope's systems and an assessment of optimism. Another focus is the philological difficulties of translating Pope's proposition "Whatever is, is right" into the French language — which was part of the competition task. The author considers the ways the proposition was translated into the Russian and German languages. The article shows the contribution of Voltaire and his Poem on the Lisbon Disaster and *Candide: or, Optimism to the post factum* changes in the perception of the competition results and to the emergence of new shades of meaning in the concept of optimism. The Lisbon earthquake of 1755 had a profound effect on Europe and on the perception of optimism and of the idea that the actual world is the best of all possible worlds. However, Kant's epistolary legacy leads one to the conclusion that the philosopher examined the problem in the framework of a polemic on Crusian philosophy. This article presents Crusius's arguments against the theory that this is the best of all possible worlds and in favour of the theory that there are several good worlds. God's choice of the actual world owes therefore to the freedom of contradiction (*libertas contradictionis*) and to the freedom of contrariety (*libertas contrarietatis*), which are eliminated in the teaching of optimism.

Keywords: Kant, Crusius, Voltaire, optimism, theodicy, *libertas contradictionis*, *libertas contrarietatis*.

In 1759, Privatdozent Kant published a leaflet that advertised his lectures to be delivered at the University of Königsberg in the forthcoming semester. The title of the leaflet — *An Attempt at Some Reflections on Optimism* — still bewilders those few readers who are interested in Kant's pre-critical works. What optimism is this? Why is it featured in the title? Looking for an answer in Kant's other published works yields little reward. The 1759 leaflet is Kant's only critical or pre-critical published work that mentions the term optimism —

¹ The publication was supported by a grant from the Russian Foundation for the Humanities / Russian Foundation for Basic Research no. 16-24-49004.

² Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq. 6, Moscow, 125993, Russia.

Received 20.08.2017.

doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-1

© Krouglov A. N., 2018

трижды и без всякой дефиниции, Кант ни разу больше не употреблял термин «оптимизм» ни в одном из своих печатных произведений — ни в докритических, ни в критических³. Почему же данное понятие совершенно пропало из его произведений⁴? И что оно все же означало в его работах конца 1750-х гг.?

Насколько можно судить об этом с точки зрения современного знания источников, понятие оптимизма возникло в рецензии 1737 г. иезуита и «Дон Кихота математики» (см. Voltaire, 1830, p. 176; Voltaire, 1880, p. 440, № 843) Луиса Бертрана Кастеля (1688–1757) на новое издание «Теодицеи» (1706–1710) Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) и имело откровенно издевательскую окраску (см. Red., 1984, Sp. 1240; Fonnesu, 1994, S. 132–135). Однако с течением времени термин стал применяться и нейтрально для выражения самой позиции Лейбница. Состояла же она в следующем: «...высочайшая мудрость в соединении с благостью, не менее бесконечной, нежели сама мудрость, не может не избирать наилучшего. ...если бы не было наилучшего (*optimum*) мира среди всех возможных миров, то Бог не призвал бы к бытию никакого» (Лейбниц, 1989, с. 135 [I, § 8]). На возможное возражение, согласно которому «этот мир мог бы быть создан без греха и страданий», Лейбниц ответил: «...я отрицаю, что этот мир был бы тогда *наилучшим*» (Лейбниц, 1989, с. 136 [I, § 9]). В дальнейшем он также подчеркнул ошибочность утверждения, «будто наилучшее для целого должно быть наилучшим и для каждой его части» (см.: Лейбниц, 1989, с. 279 [II, § 212]), и призвал не смешивать при оценке нашего мира как наилучшего из всех возможных качество с количеством, а равенство — с подобием⁵.

Влияние «Теодицеи» Лейбница, особенно в первые десятилетия после ее публикации, было громадным. Вопрос о том, является ли наш мир наилучшим или нет, различные варианты ответа на него, сопряженные с разнообразными попытками оправдания Бога за зло в мире, взбудоражили значительную часть философов XVIII столетия до такой степени, что принцип изобилия и оптимизм некоторыми мыслителями ретроспективно стали восприниматься как одна из основных идей XVIII в. (см.: Лавджой, 2001, с. 216–234).

Однако кантовская брошюра возникла не в конце 1730-х, а лишь в конце 1750-х гг. уже в новой исторической обстановке, обусловленной прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, интерес к проблемати-

albeit three times and with no definition.³ Why did this concept disappear completely from Kant's works?⁴ What did it mean in Kant's works of the late 1750s?

Current knowledge of sources suggests that the notion of optimism first appeared in a 1737 review of a new edition of Leibniz's (1646–1716) *Theodicy* (1706–1710). The review was written by Louis-Bertrand Castel — a Jesuit and “the Don Quixote of mathematics,” as he was dubbed by Voltaire (Voltaire, 1880, p. 440, n. 843). Castel's text made an outright mockery of optimism (see Redaktion, 1984, Sp. 1240; Fonnesu, 1994, pp. 132–135). However, optimism was later used as a neutral term to describe Leibniz's position, which was as follows: “Now this supreme wisdom, united to a goodness that is no less infinite, cannot but have chosen the best [...] if there were not the best (*optimum*) among all possible worlds, God would not have produced any” (Leibniz 2010, p. 128). Leibniz answers the possible objection that “the world could have been without sin and without sufferings” by stating “I deny that then it would have been better” (*ibid.*). Further, Leibniz stresses the fallaciousness of the argument that “the best in the whole is also the best possible in each part” (*ibid.*, p. 260). Leibniz also urges not to confuse quality with quantity and equality with similarity when considering our world as the best of all possible ones.⁵

The influence of Leibniz's *Theodicy* was tremendous — especially in the first decades after it had been published. In the 18th century, many philosophers were inspired by the question whether our world is the best of all possible ones and by different answers to it, which were paired with attempts to defend God from objections resulting from evil in the world. In effect, the agitation was so great that, later, many scholars retrospectively identified optimism and the principle of plenitude as the prominent ideas of the 18th century (see Lovejoy, 1936, pp. 208–226).

Nevertheless, Kant's leaflet was published, not in the late 1730s, but in the late 1750s — in a new historical era brought about by two major circumstances. Firstly, the interest in the problem of the actual world as the best of all possible ones — which was consi-

³ В остальном письменном наследии Канта исключение составляют лишь несколько черновых заметок, одно письмо все того же 1759 г. (Brief an J. G. Lindner vom 28. Oktober 1759, AA 10, S. 19, № 13) и некоторые конспекты лекционных курсов, хотя и не без ряда курьезов (см. об этом: Кант, 2016, С. 153, 269–270; [Religionsphilosophie Volckmann], AA 28, S. 1199; а также: Кант, 1821, S. 335; [Danziger Rationaltheologie], AA 28, S. 1301–1302).

⁴ Самой проблемы это не касается, пусть и рассмотренной уже с противоположных позиций; см., например: (AA 08, S. 255–271; Кант, 1994в). О современном значении оптимизма как противоположности пессимизма у Канта см. по-прежнему ценную статью (Vaihinger, 1923–1924, S. 161–188).

⁵ Об исторических предпосылках подхода самого Лейбница см. информативную работу: (Knebel, 1991, S. 3–24). О других формах и вариантах оптимизма см.: (Fonnesu, 1994, S. 142–162).

³ In the rest of his written legacy, Kant brings up optimism in several draft notes, the letter to J. G. Lindner dated 28th of October 1759 (*Br*, AA 10, p. 19, n. 13), and lecture notes. For an account of amusing incidents related to these notes see (*V-Th/Volckmann*, AA 28, p. 1199; Kant, 1821, p. 335; *V-Th/Baumbach*, AA 28, pp. 1301–1302).

⁴ This has no immediate bearing on the problem in question, even when approached from opposite perspectives. See, for instance, (*MpVT*, AA 08). On Kant's interpretation of optimism as the opposite of pessimism, see the still relevant article (Vaihinger, 1923/1924, pp. 161–188).

⁵ For detail on the historical origins of Leibniz's ideas, see the informative work (Knebel, 1991, pp. 3–24). For reflections on other forms and variants of optimism, see (Fonnesu, 1994, pp. 142–162).

ке действительного мира как наилучшего из всех возможных, которая уже в 1740-е гг. стала рассматриваться в исторической перспективе как имеющая еще античную предысторию⁶, был реанимирован в середине 1750-х гг. конкурсом Берлинской академии наук, в 1753 г. объявленным на 1755 г. Во-вторых, в самом 1755 г. случилось событие, в значительной степени изменившее весь ход дискуссии о наилучшести действительного мира, — землетрясение в Лиссабоне с огромными человеческими жертвами и разрушениями.

Конкурс Берлинской академии наук на 1755 год

Конкурсное задание Берлинской академией наук было сформулировано в тот момент, когда в рамках философского класса академии шла довольно ожесточенная борьба между сторонниками и противниками Лейбница, одной из ключевых фигур которой являлся Пьер Луи де Мопертюи (1698—1759). Эта борьба в конце концов нашла отражение в определенном эзоповом языке: вместо прямого вопроса о теодицее Лейбница задание касалось истолкования фразы из известной поэмы английского поэта Александра Поупа (1688—1744) «Опыт о человеке» (1732—1734)⁷: «Требуется исследование системы Поупа, которая содержится в положении: все хорошо (*tout est bien*). Важно 1) определить истинный смысл этого положения согласно гипотезе автора; 2) сравнить его с системой оптимизма (*l'optimisme*)⁸, или выбором наилучшего, чтобы отметить связи и отличия; 3) наконец, привести те причины, которые находят наиболее подходящими для того, чтобы подтвердить или разрушить эту систему» (Harnack, 1900, S. 403; см. об этом также: Buschmann, 1987; Buschmann, 1989).

Стоит отметить, что еще Моисей Мендельсон (1729—1786) и Готхольд Эфраим Лессинг (1729—1781) по результатам конкурса не только усомнились в наличии у Поупа «системы», но и высказали упрек в адрес некорректного, с их точки зрения, перевода английской строки поэта на французский в конкурсном задании (см.: Lessing, Mendelssohn, 1755, S. 24—25). Таким обра-

⁶ См., в частности, исторический обзор известного в России вольфганга Фридриха Христиана Баумайстера (1709—1785): (Baumeister, 1741). См. также пример поэтического опуса: (Sucro, 1746).

⁷ Подобное соотнесение учения Лейбница с поэмой Поупа тут же вызвало критическую реакцию (см.: Gottsched, 1753). Под влиянием конкурса Иоганн Кристоф Готшед (1700—1766) даже вставил в качестве приложения во вторую, практическую часть своих «Первых оснований всей философии» трактат под названием «Доказательство, что этот мир является наилучшим из всех», написанный, вероятно, еще около 1742 г. (см.: Gottsched, 1756, S. 460—482).

⁸ Во времена самого конкурса звучали оценки, приписывающие введение данного термина Жан-Пьеру де Круза (1663—1748): «Круза впервые применил слово оптимизм для глумления над учением, что этот мир наилучший; и недавно Берлинская академия сформулировала задание исследовать, следует ли в этом обвинять и Поупа» (Anonym, 1753, S. 935). Данное утверждение было высказано при обсуждении вышеупомянутого сочинения Готшпеда 1753 г. Говоря же о де Круза, и Готшед, и автор обзора его сочинения имели в виду следующее сочинение, направленное против Поупа (Crousaz, 1737).

dered as early as the 1740s in a historical perspective as having origins in Antiquity⁶ — was revived in the mid-1750s by a prize-essay competition held by the Berlin Academy of Science. Scheduled for 1755, the competition was announced in 1753. Secondly, 1755 witnessed an event that changed the course of the discussion on the bestness of the actual world. That was the Lisbon earthquake, which caused significant casualties and severe damage.

The 1755 Berlin Academy of Sciences' Prize-Essay Competition

The Berlin Academy of Sciences published the competition questions amid a bitter struggle between Leibniz's proponents and opponents among the Academy's philosophers. A prominent figure in this struggle was Pierre-Louis Moreau de Maupertuis (1698—1759). The fierceness of the dispute warranted the use of Aesopian language. Instead of naming Leibniz's theodicy directly, the assignment focused on interpreting the phrase from Alexander Pope's (1688—1744) famous poem *An Essay on Man* (1732—1734).⁷ The task was to study Pope's system contained in the proposition "Whatever is, is Right" ("*Tout est bien*"). It was particularly important 1) to reveal the true meaning of the proposition according to the author's hypothesis, 2) to compare it with the system of optimism (*l'optimisme*)⁸ or the choice of the best world to explore connections and similarities, and 3) to identify the reasons most suitable for proving or disproving that system (Harnack, 1900, pp. 403—404; see also Buschmann, 1987; Buschmann, 1989).

Following the competition, Moses Mendelssohn (1729—1786) and Gotthold Ephraim Lessing (1729—1781), questioned the very existence of a system in Pope's views and criticised the competition translation of the poet's proposition into the French language (see: Lessing, Mendelssohn, 1755, pp. 24—25). Thus,

⁶ See, for instance, a historical review of the famous Wolffian Friedrich Christian Baumeister (1709—1785) (Baumeister, 1741). See also an attempt at a work of poetry (Sucro, 1746).

⁷ Correlating Leibniz's doctrine with Pope's poem aroused considerable criticism (see Gottsched, 1753). The competition encouraged Johann Christoph Gottsched (1700—1766) to add a treatise titled "The proof that this world is the best of all worlds" to the second — practical — part of his work *The First Principles of a Complete Philosophy* (see Gottsched, 1756, pp. 460—482).

⁸ During the competition, views were voiced that the term had been introduced by Jean-Pierre de Crousaz (1663—1748), 'Crousaz was the first to use the word optimism to ridicule the teaching that this world is the best. Recently, the Berlin Academy commissioned a study to establish whether Pope was to be held responsible for that' (Anonym, 1753, p. 935). This opinion was expressed during a discussion of Gottsched's above-mentioned work of 1753. When speaking of de Crousaz, both Gottsched and the author of the review of his works referred to the essay targeted against Pope (Crousaz, 1737).

зом, уже в самой формулировке содержалась определенная языковая проблема (см. об этом также: Hellwig, 2008), воспроизводящаяся и по сей день:

«Whatever Is, is Right» в английском оригинале (см. английский оригинал в двуязычном немецком издании: В. Н. Brockes aus dem Englischen übersetzter Versuch vom Menschen, 1740, S. 30);

«Tout est bien» или «tout ce qui est, est bien» во французском конкурсном задании и восприятии современников;

«Alles das, was ist, ist gut» в первом немецком переводе 1740 г. (В. Н. Brockes aus dem Englischen übersetzter Versuch vom Menschen, 1740, S. 31);

«Alles was ist, ist gut» или «Was ist, ist gut» во втором немецком переводе 1756 г. (Philosophisches Lehrgedichte vom Menschen, 1756, S. 2, 24);

«Во свете всё добро» в первом русском переводе (с французского) Н. Н. Поповского (1730–1760) 1754 г., опубликованном тремя годами позднее (Поповский, 1972, с. 86);

«Всемирное добро в частичном зле, / Так покорись, воздай творенью честь: / Поистине всё хорошо, что есть» в современном русском переводе (Поуп, 1988, с. 153).

Кант был хорошо знаком с первым немецким переводом поэмы Поупа, выполненным Б. Г. Брокесом, и многократно цитировал ее, в том числе в виде эпиграфов, как раз в вышедшем в 1755 г. произведении «Всеобщая естественная история и теория неба» (AA 01, S. 241, 259, 318, 349, 360, 365; Кант, 1994а, с. 135, 151, 210, 241, 250, 256). Хорошо ему было известно и о конкурсном задании по поводу строки английского поэта. Более того, Кант даже сделал набросок своих ответов на три поставленных в конкурсном задании вопроса: кантовские рефлексии 3703, 3704 («Абрис оптимизма») и 3705 («Недостатки оптимизма») (AA 17, S. 229–239), датируемые Эрихом Адикесом (1866–1928) 1753–1754 гг., последовательно отвечают на задание Берлинской академии наук.

Победителем конкурса, на который было представлено как минимум восемь манускриптов, не считая целого комплекса сопровождающих конкурс работ по той же тематике, к которым относится, в частности, и упомянутое сочинение Лессинга и Мендельсона, стал французский трактат сторонника крузианской философии Адольфа Фридриха фон Райнхарда (1728–1783). Знаком ли был Кант с французским оригиналом (Reinhard, 1755), сказать затруднительно, однако он точно читал немецкий перевод Райнхарда, опубликованный в 1757 г. (Reinhard, 1757a)⁹. Дискуссия не закончилась объявлением итогов¹⁰, а продолжалась еще как минимум несколько лет¹¹.

⁹ Это издание имелось в личной библиотеке Канта (см.: Warda, 1922, S. 53, № 95). Знал ли Кант об альтернативном переводе этого сочинения на немецкий язык, я утверждать не берусь (Reinhard, 1757b).

¹⁰ Вместе с победившей работой Райнхарда Академия опубликовала еще три других анонимных конкурсных сочинения (Anonym, 1755a; Anonym, 1755b; Anonym, 1755c).

¹¹ См., в частности, сборник 1759 г. с рецензиями и критикой победителя Райнхарда (Ж. А. С. Формей, Хр. Э. фон Виндхайм, А. П. Премонваль и др.), а также его ответы на критику (всего десять различных сочинений небольшого формата) (Sammlung

the assignment itself contained a linguistic problem (see also: Hellwig, 2008) that has been reproducing itself to this day. There are many variants of the phrase across European languages:

“Whatever is, is right” in the original English text (see the bilingual edition В. Н. Brockes aus dem Englischen übersetzter Versuch vom Menschen, 1740, p. 30);

“Tout est bien” or “tout ce qui est, est bien” in the French competition assignment and as it was perceived by contemporaries;

“Alles das, was ist, ist gut” in the first German translation of 1740 (В. Н. Brockes aus dem Englischen übersetzter Versuch vom Menschen, 1740, p. 31);

“Alles was ist, ist gut” or “Was ist, ist gut” in the second German translation of 1756 (Philosophisches Lehrgedichte vom Menschen, 1756, pp. 2, 24);

“Vo svete vse dobro” (“Во свете всё добро”) in the first 1754 Russian translation from French by N. N. Popovsky (1730–1760), the translation was published three years later (Popovsky, 1972, p. 86);

“Vse khorosho, chto yest’” (“всё хорошо, что есть”) in the modern Russian translation (Pope, 1988, p. 153).

Kant was familiar with В. Н. Brockes’s first German translation of Pope’s poem. The philosopher cited the poem more than once. Particularly, he used its lines as epigraphs in the 1755 *Universal Natural History and Theory of Heaven* (NTH, AA 01, pp. 241, 259, 318, 349, 360, 365). He was also aware of the competition task to translate the line from the English poet. Kant drafted his own answers to the three competition tasks. Answers to the three questions are given in Kant’s Reflections 3703, 3704 (“Outline of optimism”) and 3705 (“Defects of optimism”) respectively (Refl, AA 17, pp. 229–239). Erich Adickes (1866–1928) dated these reflections to 1753–1754.

The winner of the competition, which had received at least eight manuscripts alongside numerous cognate works on the same topic – these included the above-mentioned essays by Lessing and Mendelssohn, – was the French treatise of an adherent of Crusian philosophy Adolf Friedrich von Reinhard (1728–1783). One cannot establish conclusively whether Kant was acquainted with the French original. However, the philosopher definitely read the German translation, which was published in 1757 (Reinhard, 1757a).⁹ The debate did not end with the release of results,¹⁰ but continued for at least ten more years.¹¹

⁹ Kant had this edition in his personal library (see Warda, 1922, p. 53, Non. 95). Whether Kant knew about the alternative translation into German, I am not in a position to say (Reinhard, 1757b).

¹⁰ Alongside Reinhard’s winning essay, the Academy published three anonymous essays received by the competition (Anonym, 1755a; Anonym, 1755b; Anonym, 1755c).

¹¹ See, for instance, a collection of reviews of Reinhard’s work (J. H. S. Formey, C. E. von Windheim, A. P. de Prémontval, and others)

Землетрясение в Лиссабоне 1755 года

Своеобразным ответом *post factum* на конкурсное задание уже после публикации его итогов стала «Поэма на разрушение Лиссабона в 1755 году» Вольтера (1694—1778), написанная в декабре того же года под впечатлением случившейся 1 ноября трагедии и опубликованная летом 1756 г.¹² Автор сам полемически заострил связь с конкурсным заданием, ибо подзаголовок его поэмы недвусмысленно гласил: «examen de cet axiome: *tout est bien*»: «О вы, чей разум лжет: „Все благо в жизни сей“, / Спешите созерцать ужасные руины» (Вольтер, 1947б, с. 346)¹³. Во втором издании Вольтер добавил также собственные комментарии, в которых упомянул подоплеку своих рассуждений на основе поэмы Поупа и «Теодицеи» Лейбница, однако немецкий философ неодобрительно упоминается и в самой поэме:

Мне Лейбниц не раскрыл, какой стезей незримой
В сей лучший из миров, в порядок нерушимый
Врывается разлад, извечный хаос бед,
Ведя живую скорбь пустой мечте вослед;
Зачем невинному, сродненному с виновным,
Склоняться перед злом, всеобщим и верховным;
Постигнуть не могу в том блага своего...

(Вольтер, 1947б, с. 351)¹⁴.

Тем не менее в поэме не встречается еще само понятие оптимизма. Широкую популярность оно получило благодаря другому произведению Вольтера, где одной из центральных тем также является землетрясение в Лиссабоне, — повести «Кандид, или Оптимизм» (*Candide, ou l'Optimisme*), впервые анонимно опубликованной в 1759 г. Определенным толчком к написанию повести об оптимизме послужило так называемое «Письмо о Провидении», написанное Вольтеру 18 августа 1756 г. Жан-Жаком Руссо (1712—1778). Упомянув фразу из французского перевода Поупа «*tout est bien*» (Rousseau, 1782, p. 104, 107, 112)¹⁵, Руссо выступает в за-

der Streitschriften über die Lehre von der besten Welt, 1759) — издатель сборника Христиан Цигра (1719—1778) посвятил проблеме наилучшего мира еще свою диссертацию 1744 г.; (Waser, Wieland, 1757; Mendelssohn, 1759, S. 149—154).

¹² См. о влиянии этой катастрофы: (Löffler, 1999; Günther, 2005; Das Erdbeben von Lissabon, 2008). См. также собрание текстов современных авторов катастрофы: (Die Erschütterung der vollkommenen Welt, 1994).

¹³ В переводе Ипполита Федоровича Богдановича (1743—1803), опубликованном еще в 1763 г., ключевая фраза из Поупа переводилась так: «Всё полезно» (Богданович, 1957, с. 207).

¹⁴ См. также соответствующую статью из «Философского словаря» середины 1760-х гг. (Вольтер, 2005, с. 272—280). Следует, однако, особо подчеркнуть, что первоначально, еще до землетрясения в Лиссабоне, Вольтер был скорее сторонником лейбницевого оптимизма (см.: Hübener, 1978, S. 222—224).

¹⁵ Впервые опубликовано на русском языке в следующем переводе (Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, 1762, с. 235—273). Автором примечаний был редактор журнала, последователь Готтшеда Иоганн Готфрид Рейхель (1727—1778) (см.: Рейхель, 2005, с. 76—77).

The 1755 Lisbon Earthquake

A *post factum* reply to the competition question was Voltaire's (1694—1778) *Poem on the Lisbon Disaster in 1755*. The poem was written in December of the same year in the wake of the disaster, which took place on November 1st. The text was published in the summer of 1756.¹² In this text, Voltaire emphasised the link to the competition task — the poem's subtitle reads “examen de cet axiome: *tout est bien*” (“an Inquiry into the Axiom, ‘All is Well’”). “Come philosophers who cry, ‘All is well,’ And contemplate the ruins of this world” (Voltaire, 2013).¹³ In the second edition, Voltaire equipped the poem with a commentary, in which he mentioned that his reflections had been encouraged by Pope's poem and Leibniz's *Theodicy*. However, Voltaire's poem presents the German philosopher in an unfavourable light:

Leibniz taught me neither by what invisible knots,
In this best of all possible worlds,
This endless disorder — a chaos of misfortunes —
Ties our little pleasures to such pain,
Nor why the innocent and guilty
Both suffer the same under this necessary evil

(*ibid.*)¹⁴

Nevertheless, the concept of optimism was not mentioned in the poem. Voltaire brought prominence to the term in a different work, whose central topic was also the Lisbon earthquake. That work was the novel *Candide: or, Optimism (Candide, ou l'Optimisme)*, which was first published anonymously in 1759. Another incentive to write a novel about optimism was the so-called *Letter on Providence*, which Jean-Jacques Rousseau (1712—1778) wrote to Voltaire on August 18, 1756. Using the phrase from the French translation of Pope's poem — *tout est bien* (Rousseau, 1782, pp. 104, 107, 112)¹⁵ — Rousseau defended optimism and its true principles and compared it to fatalism (Rousseau, 1782, pp. 93—94, 104—105, 108).

and of Reinhard's answers to the criticism (ten small essays) (Ziegra, 1759), which was published in 1759. The publisher — Christian Ziegra (1719—1778) — dedicated his 1744 theses to the problem of the best world (Waser, Wieland, 1757; Mendelssohn, 1759, pp. 149—154).

¹² For more details on the effect of the catastrophe, see (Löffler, 1999; Günther, 2005; Lauer, Unger, 2008). Also see a collection of texts authored by the contemporaries of the catastrophe (Die Erschütterung der vollkommenen Welt, 1994).

¹³ In a 1763 publication, Ippolit Fedorovich Bogdanov (1743—1803) translated Pope's prominent line as “*use polezno*” (“all is beneficial”) (Bogdanovich, 1957, p. 207).

¹⁴ See the relevant article from the Philosophical Dictionary of the mid-1760s (Voltaire, 2005). Note that, before the Lisbon earthquake, Voltaire was an adherent of Leibniz's optimism (see Hübener, 1978, pp. 222—224).

¹⁵ The first Russian translation included a commentary from Johann Gottfried Reichel (1727—1778) — a follower of Gottsched (see Reichel, 2005, pp. 76—77).

щиту «оптимизма» и его истинных принципов, сравнивая его помимо прочего с «фатализмом» (Rousseau, 1782, p. 93–94, 104–105, 108).

Реакцией Вольтера наряду с ответным письмом стала его повесть. В ней главным герой Кандид, будучи выброшенным в результате кораблекрушения на развалины Лиссабона и видя после собственной порки повешенным своего учителя Панглоса, сторонника учения о нашем мире как наилучшем из возможных, восклицает: «Если это лучший из возможных миров, то каковы другие?» (Вольтер, 1947а, с. 53). Само же учение «оптимизма» в карикатурном виде определяется Вольтером следующим образом: «Это — страсть утверждать, что все хорошо, когда приходится плохо» (*c'est la rage de soutenir que tout est bien quand on est mal*) (Вольтер, 1947а, с. 88). Кант заканчивает цитатой завершающей фразы из «Кандида» свои «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766) (AA 02, S. 373; Кант, 1994б, с. 266; Вольтер, 1947а, с. 129)¹⁶. Однако нет серьезных оснований утверждать, будто эта повесть была знакома кёнигсбергскому философу уже к моменту работы «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме», пространственной им в самом начале октября 1759 г.¹⁷ Тем не менее многим представляется, что именно «Кандид» и землетрясение в Лиссабоне послужили поводами к написанию Кантом этой небольшой брошюры. Подобное мнение усиливается тем, что Кант и напрямую отреагировал на португальский катаклизм тремя небольшими статьями: «О причинах землетрясений в связи со случившейся катастрофой» (1756), «История и естественное описание странных случаев землетрясения, произошедшего в конце 1755 года на значительной части Земли» (1756) и «Магистра Иммануила Канта продолженное рассмотрение случившихся недавно землетрясений» (1756).

Критика Хр. А. Крузием учения о наилучшем мире

Между тем, если «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме» и затрагивает землетрясение в Лиссабоне и связанную с ним полемику, то в лучшем случае лишь в качестве неяркого фона. В центре же этой работы — спор с главными на тот момент философскими противниками молодого Канта, а именно сторонниками крузианской философии. И основные аргументы в этой связи носят довольно отвлеченный метафизический и теологический характер, без апелляции к жутким картинам в качестве фальсификации или верификации собственных тезисов.

¹⁶ Помимо этого, «Кандид» упоминается еще в одной черновой записи Канта, датированной Адикесом 1760–1764 гг. (Refl. 8083, AA 19, S. 626).

¹⁷ Работа датирована 7 октября 1759 г. (AA 02, S. 27; в русском переводе дата опущена). На цензуру работа была отдана еще за день до защиты диссертации Вейманом, 5 октября (см. Lasswitz, 1912, S. 461). Судя по всему, Кант начинает упоминать Вольтера в печатных произведениях и в лекциях лишь с 1763 г., хотя в его личной библиотеке и было издание Вольтера 1761 г. (см.: Warda, 1922, S. 56, № 121).

Voltaire reacted with a letter of reply and the novel. The novel's titular character finds himself shipwrecked by a violent storm in the ruins of Lisbon. After Candide is flogged and sees his mentor Pangloss — an advocate of the doctrine of the best of all possible worlds — hanged, the young man exclaims, “If this is the best of all possible worlds, what must the others be like?” (Voltaire, 2005, p. 53). Voltaire gave the following caricatural definition of optimism: “it is the mania for insisting that all is well when all is by no means well” (“*c'est la rage de soutenir que tout est bien quand on est mal*”) (*ibid.*). Kant concluded his 1766 *Dreams of a Spirit-Seer* with quoting the final phrase from *Candide* (TG, AA 02, p. 373; Voltaire 2005).¹⁶ There are no reasonable grounds to believe that Kant was familiar with the novel when he worked on his *Attempt at Some Reflections on Optimism* at the beginning of October 1759.¹⁷ However, many would argue that *Candide* and the Lisbon earthquake encouraged Kant to write the leaflet. This view is supported by the fact that Kant reacted to the Portuguese disaster with three small articles, *On the Causes of the Terrestrial Convulsions* (1756), *History and Natural Description of the Most Curious Occurrences associated with the Quake* (1756), and *Further Observation on the Terrestrial Convulsions* (1756).

Crusius's Criticism of the Doctrine of the Best of All Possible Worlds

Although the *Attempt at Some Reflections on Optimism* touches upon the Lisbon earthquake and the ensuing debate, the leaflet uses them only as a bright background. The focus of the tract is young Kant's dispute with his opponents — advocates of Crusian philosophy. Kant's central arguments are of abstract metaphysical and theological nature. Kant does not invoke the horrific images of the catastrophe to falsify or verify his own theses.

Kant revealed some circumstances behind the attempt at optimism in a letter to Johann Gottlieb Lindner (1729–1776) of October 28, 1759:

A meteor has recently made its appearance above the *academic horizon* here. *M. Weymann* has sought, by means of a rather disorganised and unintelligibly written *dissertation against optimism*, to solemnise his debut on this stage... His notorious immodesty induced me to decline

¹⁶ Kant mentions *Candide* in a draft, which was dated by Adickes to 1760–1764 (Refl. 8083, AA 19, p. 626).

¹⁷ The tract is dated to October 7, 1759 (VBO, AA 02, p. 27). The work was submitted for censoring on October 5, a day before Weymann defended his thesis (see Lasswitz, 1912, p. 461). It seems that Voltaire started to appear in Kant's writings not earlier than 1763. However, in his personal library, Kant had a 1761 edition of Voltaire (see Warda, 1922, p. 56, n. 121).

О некоторых обстоятельствах возникновения опыта об оптимизме Кант рассказал в письме к Иоганну Готхельфу Линднеру (1729–1776) от 28 октября 1759 г.:

Здесь недавно на академическом горизонте показался метеорит. М[агистр] Вейман при помощи недостаточно добротной и довольно непонятно написанной диссертации против оптимизма попытался впервые выступить в этом театре, который, как и хильфердингский¹⁸ арлекин, должен был устроить торжество. Из-за его известной нескромности я отказался оппонировать ему, но в программе лекций, которую я велел распространить на следующий день после защиты его диссертации... я вкратце защитил оптимизм против Крузия, не думая при этом о Веймане. Он тотчас же разразился гневом. В следующее воскресенье он издал брошюру, в которой он защищался против моих мнимых нападок... полную нескромностей и передергиваний и т.п. Суждение публики и очевидная непристойность вступать в кулачный бой с циклопом, и вообще спасение брошюры, которая, может быть, уже после выхода его защиты будет тотчас же забыта, позволили мне самым подобающим образом ответить молчанием (AA 10, S. 19)¹⁹.

Поскольку защита Веймана состоялась 6 октября 1759 г., в письме мы видим дополнительное подтверждение датировки кантовского опуса об оптимизме: 7 октября 1759 г. Кроме того, Кант недвусмысленно заявляет, что защищает оптимизм от нападений Крузия. Однако в самом тексте опыта об оптимизме имя Крузия вовсе не встречается, а упоминается лишь работа победителя конкурса 1755 г. Райнхарда. И хотя Кант, по собственным заверениям, и «не думал» о Веймане, его диссертация о мире не самом лучшем, а также полемическое сочинение против кантовского опыта об оптимизме входят в тот корпус крузианских текстов, исходя из которого Кант и писал свою небольшую работу.

Основные аргументы против учения о нашем мире как наилучшем из возможных Христиан Август Крузий (1715–1775) сформулировал в своей метафизике, носящей заглавие «Набросок необходимых истин разума, в той мере в какой они противоположены случайным истинам». Хотя Крузий высказал свои доводы уже в первом издании своей работы, опубликованном в 1745 г. (§ 385–389), имеет смысл все же обратиться к более позднему изданию этого сочинения 1753 г., поскольку оно, во-первых, прямо относится к годам конкурсных работ, а во-вторых, именно оно имелось в личной библиотеке Канта (см.: Warda, 1922, S. 47, № 26)²⁰.

Завершающие параграфы главы «О сущности мира вообще» метафизического раздела «Космология, или учение о необходимой сущности мира, и что из этого может пониматься *a priori*» Крузий посвятил обсуждению некоторых спорных космологических вопросов,

his invitation to act as *respondent* [on the occasion of the public defence of his dissertation]. However, in an essay announcing my programme of lectures and which I had distributed the day after his *dissertation* appeared, I briefly defended *optimism* against Crusius, without giving a thought to *Weymann*. My defence of optimism, however, aroused his spleen. The following Sunday he published a pamphlet in which he defended himself against my alleged attack – a defence full of immodesties and distortions, etc. The judgement of the *public*, and the obvious impropriety of engaging in fisticuffs with a *Cyclops*, not to mention the saving of a pamphlet which would perhaps already have been forgotten by the time its defence appears – all this obliges me to reply in the most proper manner, namely, by saying nothing (*Br*, AA 10, p. 19; Walford & Meerbote, 2003, p. lvi).¹⁸

Weymann defended his thesis on October 6, 1759. Therefore, it is correct to date Kant's tract on optimism to October 7, 1759. Kant stated explicitly that he was defending optimism against Christian August Crusius (1715–1775). However, Crusius is never mentioned in the *Attempt*. The only reference is to Reinhard's 1755 prize-winning essay. And although Kant, according to his own testimony, did not "give a thought to Weymann," Weymann's dissertation about the doctrine of the best of all possible worlds and his polemical works criticising Kant's attempt at optimism belong to the corpus of Crusian texts, which inspired Kant to write the tract.

Crusius formulated his arguments against the doctrine of the best of all possible worlds in his metaphysics titled *Outline of the Necessary Truths of Reason, in so far as they are Opposed to Contingent Truths*. Crusius presented his arguments in the very first edition of his work, which saw the light of day in 1745 (§ 385–389). However, it is advisable to consider a later 1753 edition, which was published in the years of the prize-essay competition and was in Kant's personal library (see Warda, 1922, p. 47, n. 26).¹⁹

In the concluding paragraphs of the chapter "On the Essence of a World in General" of the metaphysical section "Cosmology, or the doctrine of the necessary essence of a world and of what can be understood from it *a priori*," Crusius discusses some contentious cosmological issues. In particular, he asks whether God had to create the best of all possible worlds and whether the actual world is the best of all possible ones (Crusius, 1753, p. 766, § 385). Since the thesis had not been formulated by Crusius, the philosopher attempts at a linguistic analysis of the thesis

¹⁸ И. П. Хильфердинг – театральный антрепренер, работавший в Кёнигсберге в начале 40-х гг. XVIII в.

¹⁹ Линднер в целом поддержал позицию Канта, вскользь разобрав ряд аргументов «смирненного крузианца» Веймана (см.: Lindner, 1922, S. 25, № 16).

²⁰ Ср. также: письмо Канта Л. Э. Боровски (Borowski) от 6 июня 1760 г. (AA 10, S. 32, № 19).

¹⁸ Lindner generally supported Kant and conducted a brief analysis of the 'modest Crusianer Weymann' (see Lindner, 1922, p. 25, n. 16).

¹⁹ See also: Kant's letter to L. E. Borowski dated the 6th of June 1760 (*Br*, AA 10, p. 32, n. 19).

последний из которых он представил следующим образом: «*Должен ли Бог, если он творит, творить наилучший из всех возможных миров, и является ли действительный мир, следовательно, наилучшим из всех возможных?»*» (Crusius, 1753, S. 766, § 385). Поскольку тезис как таковой принадлежал не самому Крузию, философ попытался провести его языковой анализ для того, чтобы понять, на что он нацелен. При этом ему видятся два возможных толкования вопроса: «*Должен ли мир, который Бог действительно сотворил, обладать в себе всем только возможным совершенством, которым может обладать мир?»* или же «*Должен ли мир, который Бог сотворил ради определенных целей, подходить для них лучше, чем все иные возможные миры?»*» (Crusius, 1753, S. 767, § 385). На уточненные таким образом вопросы Крузий дает следующие ответы: наилучший мир в смысле первого вопроса невозможен, а в смысле второго вопроса недоказуем. Его аргументация строится следующим образом.

Согласно космологии Крузия, действительный мир необходимо конечен, следовательно, конечно и его совершенство. Однако Бог в бесконечном прогрессе постоянно мог бы что-то добавлять к уже имеющемуся совершенству. Из этого вытекает, что Бог произвольно установил в какой-то момент границы совершенства действительного мира, но он в любое время смог бы добавить совершенства. Таким образом, невозможен такой мир, который был бы безусловно лучшим. Некоторые пытаются, однако, спасти тезис о наилучшем мире, бесосновательно отказавшись от конечности мира. Другая же попытка спасения состоит в утверждении, будто, несмотря на бесконечное множество возможных тварей, рассмотренных в отдельности, число «хороших связей» может при этом быть все же конечным, и одно могло бы быть наилучшим. Помимо недоказанности подобного утверждения Крузий подчеркивает, что данное положение ограничивает всемогущество и бесконечность Бога (Crusius, 1753, S. 768–771, § 386).

Истолкование же наилучшей годности действительного мира для определенных главных целей наталкивается на иные трудности. Для определенных целей может подходить много различных средств, и безразлично, какое именно из них при этом будет выбрано. Кроме того, две вещи могут быть не совсем похожи друг на друга, однако в отношении поставленных целей они могут быть равнозначны, по причине чего их несхожесть допустимо игнорировать. Но даже если отношение двух средств к поставленной цели не совсем похоже, когда их рассматривают в отдельности, и в этом случае различие может сниматься посредством соединения множества вещей друг с другом: для поставленной цели многие виды соединения вещей могут быть равнозначны. Наконец, и сам Бог наряду с главными целями может присовокуплять к миру еще и ряд побочных целей. Отталкиваясь от вышесказанного, Крузий подчеркивает, что невозможно в отноше-

to understand what it was targeted at. Crusius disambiguates his question into two further ones. He asks whether a world created by God has all the perfections a world can possibly have (Crusius, 1753, p. 767, § 385) and whether the actual world, created by God for certain purposes, is better attuned to these purposes than any other possible world (Crusius, 1753, p. 767, § 385). Crusius answers these questions as follows: a best world, as defined in the first question, is impossible, and, as defined in the second question, it is unprovable.

According to Crusius's cosmology, the actual world is necessarily finite. Thus, its perfection is also finite. However, in the course of infinite progress, God can constantly add to the existing perfection. Therefore, at some moment, God set a limit to the perfection of the actual world, but he can add perfections at any time. Thus, an unconditionally best world is impossible. Some try to redeem the thesis about the best possible world by abandoning the finite nature of the world. Another attempt at redemption ensues from the argument that, despite the infinite number of possible creatures taken individually, the number of valid connections between them can be finite and one of these connections can be the best. Crusius stresses not only the incompleteness of such a statement, but also the fact that this argument puts a constraint on the omnipotence and infiniteness of God (Crusius, 1753, pp. 768–771, § 386).

The interpretation of the best usefulness for certain purposes creates further obstacles. Many different means can be used to fulfil a certain purpose, and it does not matter which one of them is selected. Moreover, two dissimilar things can be equal in regard to a certain purpose. Thus, it is permissible to ignore such a dissimilarity. Even if the relations of two means to a purpose are not the same when these means are considered separately, the difference between them can be nullified by linking a set of things to each other. In the context of a particular purpose, many variants of connections between things can be equal. Finally, God can add secondary purposes to the world. Based on the above, Crusius emphasises that it is impossible to argue that one and only one world is the best for the envisaged purposes. According to Crusius, one cannot deny that the divine reason can consider many worlds as equally good in the context of the envisaged purposes. Therefore, a best world is unprovable (Crusius, 1753, p. 772, § 387). If one considers the possible difference in the goodness (*Güte*) of such worlds – provided such a difference exists – it cannot exert sufficient influence in regard to the purposes. Crusius concludes that, when working on the creation, God was not forced to prefer a world, which – due to its accidental perfections – is now called better than another one, to all other words, because it is merely called so

нии только одного мира утверждать, будто он, и только он является наилучшим для поставленных целей. С его точки зрения, невозможно отрицать, что по отношению к уже поставленным целям мира божественный ум в состоянии рассматривать много миров в качестве одинаково хороших, из чего следует вывод, что «некий наилучший мир недоказуем» (Crusius, 1753, S. 772, § 387). Если же обратить внимание на возможное различие между благостями (*Güte*) таких миров, которое может иметь место, то и в этом случае оно не может оказать необходимого влияния с точки зрения поставленных целей. Из этого Крузий делает вывод, согласно которому «Бог еще не принужден некий мир, который из-за его случайных совершенств... желают назвать более хорошим, нежели все другие, предпочитать по этой причине всем другим при творении» (Crusius, 1753, S. 772, § 387).

На этом Крузий, впрочем, не останавливается, пытаясь определить глубинные причины ошибочного учения о наилучшем мире. Таковые он усматривает в учении Лейбница и особенно Вольфа о законе достаточного основания, который был подвергнут им критике еще в ранней латинской диссертации 1743 г. об использовании и ограничении принципа детерминирующего основания (Crusius, 1743), уже в следующем году переведенной на немецкий язык. Вольфианская трактовка закона достаточного основания «устраняет нравственность или мораль» (Crusius, 1744, S. 28, § VIII), «вводит тем самым фатум» (Crusius, 1744, S. 24, § VII) и «неограниченную необходимость всех вещей» (Crusius, 1744, S. 17, § V). Сам же закон достаточного основания, по мнению Крузия, «лучше называть законом детерминирующего основания» (Crusius, 1744, S. 9, § III)²¹, однако вне зависимости от названия этот «закон является недоказанным» (Crusius, 1744, S. 35, § X). Применение закона достаточного основания к творению мира, как об этом говорится в метафизике Крузия, означает, что выбор какого-то определенного мира к творению обосновывается некими превосходными свойствами данного мира, выделяющими его из всех остальных возможных миров. Крузий восстанавливает данное рассуждение в следующем виде: «Тот, кто знает и желает наилучшее, и также может его сделать, тот творит наилучшее. Поскольку же Бог, когда он желал сотворить мир, знал наилучшее благодаря своему всеведению, мог это совершить благодаря своему всемогуществу и хотел этого благодаря своей премудрости, то он с необходимостью сотворил наилучший мир» (Crusius, 1753, S. 773–774, § 388).

Принципиальная слабость данного рассуждения состоит в том, что оно предполагает в качестве установленного самому возможность наилучшего мира. Между тем именно это и оспаривает Крузий в своей аргументации. При этом он согласен с тем, что если бы ка-

²¹ Вводимое Крузием различие достаточного и детерминирующего основания — предмет особого исследования, выходящий за рамки данного.

(“...daß Gott eine Welt, welche man zufälliger Vollkommenheiten... wegen besser als eine andere nennen will, deßwegen noch nicht bey der Schöpfung andern vorzuziehen genöthiget sey”) (Crusius, 1753, p. 772, § 387).

However, Crusius does not stop at that and attempts to reveal deeper causes for the erroneous doctrine of the best of all possible worlds. He believes that the doctrine is rooted in Leibniz's and — particularly — Wolff's principle of sufficient reason. Crusius attacked the principle in his early Latin dissertation of 1743. The work, which considered the use and limitations of the principle of determining reason (Crusius, 1743), was translated into German. The Wolffian interpretation of the principle of sufficient reason impairs all freedom and morality (Crusius, 1744, p. 28, § VIII) and leads to 'Stoic fate' (Crusius, 1744, p. 24, § VII) and the unlimited necessity of all things (Crusius, 1744, p. 17, § V). Crusius argues that the principle of sufficient reason should be called the principle of determining reason (Crusius, 1744, p. 9, § III).²⁰ Regardless of what it is called, the principle remains unproven (Crusius, 1744, p. 35, § X). Applying the principle of sufficient reason to the creation of the world, as it was done in Crusius's metaphysics, means that the selection of a particular world for the creation is explained by the excellent qualities of that world that distinguish it among all other possible worlds. Crusius replicates this reasoning as follows. “The one who knows and wants the best and who is capable of doing so does the best. Since God, when he set out to create the world, knew the best due to his omniscience, was able to do so due to his omnipotence, and wanted to do so due to his wisdom, he necessarily created the best world”.²¹

The major weakness of this reasoning is that it presupposes the possibility of a best world. This very point is attacked by Crusius. However, Crusius does not believe that, if a certain world were indeed the best, God would have preferred it to the others during creation. This would mean that such a preference was not given freely and that the other worlds do not possess genuine but only fictional possibility. This would put a significant constraint on God. During creation, God would have only had liberty of contradiction rather than liberty of contrariety. God could have only either initiated creation or abandoned it. However, as soon as he had begun creating, he could not create any but the best world. Therefore, divine free-

²⁰ Crusius's distinction between sufficient and determining reasons deserves a more dedicated study that goes beyond the scope of this article.

²¹ “Wer das Beste wisse und wolle, und auch machen könne, der thue das Beste. Da nun Gott, als er eine Welt erschaffen wollen, das Beste vermöge seiner Allwissenheit gewusst, vermöge seiner Allmacht gekonnt, und vermöge seiner Weisheit gewollt habe: So habe er nothwendig die beste Welt erschaffen.” (Crusius, 1753, pp. 773–774, § 388).

кой-то мир и вправду был наилучшим, Бог должен был предпочесть его другим при творении. Это бы означало, однако, что предпочтение оказывается не свободно, а иные миры обладают не истинной возможностью, а лишь кажущейся, ибо такие миры вообще невозможны. В таком случае в отношении Бога вытекало бы важное ограничение: при творении мира Бог обладал бы лишь свободой противоречия, или «*libertas contradictionis*», но не свободой противоположности, «*libertas contrarietatis*», то есть Бог мог начать творение мира или отказаться от него, однако, начав его, не мог сделать действительным никакой иной мир, кроме наилучшего. Тем самым ради мнимого спасения совершенства Бога устраняется божественная свобода — его наибольшее совершенство. Если же устраняется божественная свобода, то невозможна и человеческая свобода, равно как и «моральные добродетели и пороки» (Crusius, 1753, S. 776, § 388).

Различие между двумя видами свободы Бога — «*libertas contradictionis*» и «*libertas contrarietatis*» — Крузий сформулировал и объяснил все в том же разделе космологии. Его дефиниция свободы Бога гласит: это «такое свойство его воли, посредством которого он может таким образом начать, продолжить и закончить акты, что они будут происходить или прекращаться при именно таких обстоятельствах, или же могли происходить также и иначе» (Crusius, 1753, S. 583, § 307). Это не очень внятное определение²² становится понятнее, если учесть, что оно объединяет в себе два вида свободы: «...Богу свойственна как *libertas contradictionis*, посредством которой он может совершить или отказаться от акта при именно таких обстоятельствах, так и *libertas contrarietatis*, посредством которой он при именно таких обстоятельствах может устроить так или иначе» (Crusius, 1753, S. 584, § 307). Взаимодействие этих двух видов свободы лейпцигский философ и теолог разъясняет так: выбор конкретного момента для творения мира не имеет детерминирующего основания, и Бог мог бы сотворить мир раньше или позже. Это означает, что выбор момента был сделан Богом произвольно (*willkürlich*), и подобное определение начала мира свидетельствует о его «*libertas contrarietatis*». Однако одновременно это доказывает и наличие «*libertas contradictionis*», ибо, с другой стороны, все же нельзя сказать, что определение момента для творения мира произвольно, в случае если Бог в любой момент, включая и момент творения, мог прекратить этот акт (Crusius, 1753, S. 585, § 307).

²² Ср. с определением в этике Крузия: «Именно поэтому в свободе также различают две способности, а именно, во-первых, способность при точно определенных обстоятельствах нечто мочь делать или же не делать, которая называется *libertas contradictionis*, и способность при точно определенных обстоятельствах вместо сейкашней действия мочь предпринять также некоторое другое, которая называется *libertas contrarietatis*» (Crusius, 1767, S. 48, § 38). Второе издание этой книги (Leipzig, 1751) имелось в личной библиотеке Канта (см.: Warda, 1922, S. 47, № 25).

dom — God's ultimate perfection — is eliminated for the supposed salvation of God's perfection. Eliminating divine freedom makes human freedom impossible alongside moral virtues and sins (Crusius, 1753, p. 776, § 388).

The difference between the two types of divine freedom — *libertas contradictionis* and *libertas contrarietatis* — is formulated and explained in Crusius's cosmology. Crusius defines divine freedom as a property of God's will that he uses to begin, continue, and complete actions so that, under the circumstances, these actions take place or be abandoned or take place in a different fashion.²² This vague definition²³ becomes clearer if one assumes that it embraces two types of freedom. According to Crusius, God possesses both *libertas contradictionis*, by means of which he can perform an action or refrain from it and *libertas contrarietatis*, by means of which he can make the action take place in a certain manner under the circumstances (Crusius, 1753, p. 584, § 307). The Leipzigian philosopher and theologian explains the interaction between these two types of freedom as follows. The choice of a certain moment for creation lacks a determining principle — God could have created the world earlier or later than that. This means that God chose the moment of creation arbitrarily (*willkürlich*). Such a beginning of the world attests to God's *libertas contrarietatis*. At the same time, this indicates that *libertas contradictionis* is immanent to God, since it is impossible to say that the moment of creation had been chosen arbitrarily, if God could stop the action in question at any moment, including that of creation (Crusius, 1753, p. 585, § 307).

Another explanation for the two types of divine freedom is the following. *Libertas contradictionis* suggests that some divine acts are free in such a way that God can perform an action or refrain from it under the same circumstances.²⁴ In other divine acts, *libertas contradictionis* is present insofar as God creates freely the object, at which an action is aimed. At the same time, God could have refrained from such creation. "However, when the object already exists and when it is assigned

²² "Wir verstehen unter der Freyheit Gottes diejenige Eigenschaft seines Willens, vermöge welcher er dergestalt Actionen anfangen, fortsetzen und endigen kan, daß dieselben bey eben den Umständen geschehen oder unterlassen werden, oder auch anders geschehen konnten" (Crusius, 1753, p. 583, § 307).

²³ Compare this definition with that given by Crusius in his ethics. In particular, Crusius writes that freedom comprises two faculties — the ability to do or not to do something under clearly defined circumstances (*libertas contradictionis*) and the ability to take a different action instead of the current one under clearly defined circumstances (*libertas contrarietatis*) (Crusius, 1767, p. 48, § 38). The second edition of that book (Leipzig, 1751) was in Kant's personal library (see Warda, 1922, p. 47, n. 25).

²⁴ "...einige göttliche Actionen dergestalt frey sind, daß er sie völlig bey eben denselben Umständen thun und auch lassen konnte" (Crusius, 1753, p. 591, § 309).

Дополнительное разъяснение различия двух видов свободы воли Бога состоит у Крузия в следующем. Согласно «*libertas contradictionis*», «некоторые божественные акты свободны таким образом, что он мог их совершать или также отказаться от них при именно таких обстоятельствах» (Crusius, 1753, S. 591, § 309). В случае же иных божественных актов имеет место «*libertas contradictionis*» постольку, «поскольку он свободно творит тот объект, в отношении которого он предпринимает акт, причем он мог бы также и прекратить творение. Но после того как объект уже наличествует, и в нем полагается определенное состояние, или же со стороны него осуществляются определенные действия, Бог уже не может тогда прекратить любое следствие в отношении него, а должен с необходимостью производить те, которые требуются существенными свойствами объекта при положенных обстоятельствах» (Crusius, 1753, S. 591–592, § 309). Наряду с этим, «*libertas contrarietatis*» может проявляться при наличии «*libertas contradictionis*» в том, что имеет место быть большее или меньшее число обстоятельств (Crusius, 1753, S. 592, § 310). Говоря же о «*libertas contrarietatis*» в отношении мира и его творения, Крузий особо подчеркивает ее проявление в произвольном определении степени исходных способностей вещей, в свободном выборе некоторых средств среди множества равнозначных, в привнесении по своему произволу неких случайных совершенств в мир (Crusius, 1753, S. 594, § 310).

Если же после этого экскурса вновь вернуться к проблеме наилучшего мира и закона достаточного основания, то видно, что Крузий идет еще дальше своей выше очерченной позиции: с его точки зрения, учение Лейбница устраняет даже и «*libertas contradictionis*». Если у Бога имелось детерминирующее основание, то творение мира было необходимо в той же степени, что и сущность самого Бога, в которой таковое основание и положено. Противоположное же детерминированному никогда не возможно, ведь при полагании детерминированного основания противоположное ему не может признаваться без противоречия даже возможным (Crusius, 1753, S. 776, § 388). По всей видимости, рассуждение Крузия можно объяснить таким образом: в случае наличия детерминирующего основания Бог не в силах отказаться от акта творения, а это как раз и нарушает «*libertas contradictionis*». Поскольку же при наличии наилучшего мира Бог должен был бы выбирать для творения его, и только его, и никакой другой возможный мир, то это бы нарушало «*libertas contrarietatis*» Бога, а одновременно подрывало бы свободу человека и его мораль.

Собственная же позиция Крузия в отношении «лучшести» действительного мира такова. Философ признает в сотворенном мире необходимое наличие всепроницающих метафизических благостей (*Güte*). Он исходит из некой иерархии возможных миров — более или менее хороших, без того чтобы такая гра-

a certain state or certain actions are taking place with regard to that object, God cannot terminate an action with regard to that object. On the contrary, he must perform the action that is required by the object's properties under the existing circumstances.”²⁵ When *libertas contradictionis* is present, *libertas contrarietatis* manifests itself in a greater or smaller number of circumstances (Crusius, 1753, p. 592, § 310). When considering *libertas contrarietatis* in the context of the world and its creation, Crusius emphasises that this type of liberty manifests itself in that the degree of the original capacities of things is determined arbitrarily, that some means among equal means are chosen freely, and that random perfections are brought in the world by arbitration (Crusius, 1753, p. 594, § 310).

To return from this digression to the problem of the best of all possible worlds and the principle of sufficient reasons, it is important to mention that Crusius expanded his position even further. He argues that Leibniz's teaching eliminates *libertas contradictionis*. “If God had designed a determining reason, the creation of the world was as necessary as the nature of God, within which the foundation must have been laid. The opposite of the determined is never possible. When laying the sufficient reason, the opposite cannot be even considered possible without causing a contradiction.”²⁶ By all appearance, Crusius's reasoning can be explained as follows. In the presence of a determining reason, God could not have refrained from the act of creation and this violates the principle of *libertas contradictionis*. If a best world had existed, God would have selected for creation that and only that and no other possible world — and this violates the principle of God's *libertas contrarietatis* and at the same time makes human freedom and morality impossible.

Crusius's position on the ‘bestness’ of the actual world is as follows. The philosopher acknowledges the necessary presence of all-permeating metaphysical goodness (*Güte*). Crusius postulates a hierarchy of possible — better and worse — worlds but does not believe that such a gradation presupposes the existence of a single best world. When selecting a world, God chose a world from the class of the best worlds

²⁵ “Nachdem es aber einmal da ist, und ein gewisser Zustand in demselben gesetzet wird, oder gewisse Handlungen von demselben schon geschehen sind: So kan Gott hernach nicht eine iedwede Wirkung in Ansehung desselben unterlassen, sondern er muß diejenige nothwendig thun, welche seine wesentlichen Eigenschaften bey den gesetzten Umständen erfordern” (Crusius, 1753, pp. 591 — 592, § 309).

²⁶ “Denn hat Gott, da er die Welt erschaffen hat, einen determinierenden Grund sie zu erschaffen gehabt: So ist die Schöpfung nothwendig gewesen, und zwar in eben dem Grade, in welchem das Wesen Gottes, darinnen er gelegen haben müßte, nothwendig ist. Denn das Gegentheil von dem Determinirten ist allezeit unmöglich..., und kan bey Setzung des determinierenden Grundes ohne Widerspruch nicht vor möglich gehalten werden” (Crusius, 1753, p. 776, § 388).

дация вела бы к единственному наилучшему миру. При выборе мира Бог предпочел мир из класса наилучших, сделав при этом в нем все очень хорошо. Но в этом очень хорошем мире все же имеется моральное зло, хотя оно и не принадлежит сущности мира, а является следствием извращения свободы. Бог же допускает подобное зло, зная о нем заранее, но не нарушая при этом собственной святости, поскольку он не причастен к вине творений и не оставляет ее без наказания (см.: Crusius, 1753, S. 778–782, § 389). Таким образом, при всех тонкостях аргументации против существования наилучшего из возможных миров Крузий все же весьма скупо обрисовал, что означает наличие многих несопадающих друг с другом и различающихся друг от друга очень хороших миров, между которыми нельзя выбрать наилучшего.

Заключительные замечания

Степень знакомства Канта с сочинениями Крузия, равно как и его отношение к этому современнику до сих пор в достаточной степени так ни разу и не были подвергнуты всестороннему серьезному исследованию в кантоведении²³. Замечу здесь лишь, что проблема «*libertas contrarietatis*» практически не обсуждается Кантом, а единственное известное мне — резко критическое — упоминание относится к лекциям по метафизике 1782–1783 гг., да и то применительно к человеку²⁴. Но в конце 1750-х гг. Кант вел полемику не только, а иногда и не столько с самим Крузием, сколько — прямо или опосредованно — с крузианцами А. Ф. Райнхардом и Д. Вейманом. Без разбора их сочинений, включая и полемические произведения Веймана против «Опыта некоторых рассуждений об оптимизме», вряд ли возможно понять как позицию Канта, так и причины ее радикальной смены через несколько десятилетий. Однако полемика Канта с крузианцами заслуживает отдельного рассмотрения, что и будет сделано во второй статье цикла.

²³ Из немногочисленной литературы см.: (Marquardt, 1885; Festner, 1892; Wundt, 1924, S. 52–80; Heimsoeth, 1956; Finster, 1982; Ciafardone, 1983; Carboncini, 1986; Kanzian, 1993; Жучков, 1996, с. 90–113; Klemme, 2008, S. 215–227).

²⁴ «Ибо действовать без побудительного основания было бы для нас вовсе не прерогативой, а позором. Ведь что бы подумали о человеке, который бы для того, чтобы продемонстрировать свою свободу, ваялся бы в красивой одежде в уличном сточном желобе? „*Libertas contrarietatis*“ есть всего лишь воображаемая греза, поскольку у всех наших действий мы все же обнаружим, что они происходят из причин, и было бы противоречивым хотеть не то, что мне в высшей степени благоприятно, а противоположное тому» (Metaphysik Mrongovius, AA, 29, S. 903 [Von Gleichgültigkeit und Gleichgewicht]). В «Философском лексиконе» Вальха подобная свобода в отношении человека разъяснялась иначе. Свободная причина бывает двух родов: «... либо она есть „*libertas contradictionis*“, когда какое-то дело можно делать или же не делать, либо „*contrarietatis*“, когда различные дела противоположны друг другу, из которых по произволу можно выбрать одно, например я могу писать, а могу не писать; я могу писать письмо, а могу также и читать книгу» (Walch, 1726, Sp. 356).

and created it so that everything was very good in it. However, in this very good world, there is moral evil, which is not immanent in the essence of the world, but ensues from a perversion of freedom. God permits such evil and knows about it in advance. However, this does not encroach on God's holiness, since God neither takes part in the guilt of his creatures, nor leaves the guilty unpunished (see Crusius, 1753, pp. 778–782, § 389). In his intricate argumentation against the theory of the best of all possible worlds, Crusius merely outlined what the existence of many different very good worlds, among which one cannot select a best one, means.

Concluding Remarks

The degree of Kant's familiarity with Crusius's works and the Königsbergian philosopher's attitude towards his contemporary has not been yet fully analysed within Kant studies.²⁷ Kant paid little attention to the problem of *libertas contrarietatis*. His only — extremely critical — mention of the principle is found in the 1782–1783 lectures on metaphysics. Moreover, Kant considered the principle with regard to the human being.²⁸ In the late 1750s, Kant polemicised, not only with Crusius, but also — and primarily — with the Crusianers A. F. Reinhard and D. Weymann. Without examining the Crusianers' works, including Weymann's attack on the *Attempt at Some Reflections on Optimism*, one cannot understand Kant's position or the reasons why he abandoned it several decades later. However, Kant's polemic with the Crusianers deserves a separate study, which will be presented in the second article of the series.

²⁷ The few works on the topic include (Marquardt, 1885; Festner, 1892; Wundt, 1924, pp. 52–80; Heimsoeth, 1956, pp. 125–188; Finster, 1982, pp. 266–277; Ciafardone, 1983, pp. 289–305; Carboncini, 1986, pp. 110–125; Kanzian, 1993, pp. 399–407; Zhuchkov, 1996, pp. 90–113; Klemme, 2008, pp. 215–227).

²⁸ 'For to act without a motive ground would not at all be a prerogative for us but rather a disgrace. For what would one hold of a human being who, in order to demonstrate his freedom, danced in the gutter in fine clothes? The freedom of contrariety <*libertas contrarietatis*> is merely a fabricated dream, for we will still find with all our actions that they happen from causes, and it would also be contradictory not to want that which satisfies me in the highest degree, but instead its opposite' (Kant, 1997, p. 269 ['On Indifference and Equilibrium']; *V-Mo/Mron* II, AA 29, p. 903). In Walch's *Philosophical Lexicon*, such freedom as applied to the human being was explained differently. A free reason can be of two types. It is either *libertas contradictionis*, when a certain action can be performed or not performed or *contrarietatis*, when different actions are opposed to each other and one can choose arbitrarily between them. For instance, one can write or not write. One can write a letter, or one can read a book. ("Daß man etwas thun, oder nicht thun, etwas vornehmen, oder unterlassen konte, i. e. der Mensch habe wine solche Freiheit, daß er kan in die Kirche gehen, oder zu Hause beliben, er könne jetzo schreiben aber auch nicht schreiben") (Walch, 1726, p. 356).

Богданович И. Ф. Поэма на разрушение Лиссабона // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы / под ред. И. З. Сермана. Л., 1957. С. 207–212.

Вольтер. Благо, всё — благо [Tout est bien]. Из «Философского словаря» // Вольтер. Философские трактаты и диалоги. М., 2005. С. 272–280.

Вольтер. Кандид / пер. Ф. Сологуба // Избранные произведения. М., 1947а. С. 41–130.

Вольтер. Поэма о гибели Лиссабона или проверка аксиомы: «Всё благо» / пер. А. Кочеткова // Избранные произведения. М., 1947б. С. 346–352.

Жучков В. А. Из истории немецкой философии XVIII века (предклассический период). М., 1996.

Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Собр. соч.: в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994а. Т. 1. С. 113–260.

Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Собр. соч.: в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994б. Т. 2. С. 203–266.

Кант И. Лекции о философском учении о религии (редакция К. Г. Л. Пёлица) / пер., примеч. и послесл. Л. Э. Крыштоп; под ред. А. Н. Круглова. М., 2016.

Кант И. О неудаче всех философских попыток теодицеи (1791) // Собр. соч.: в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994в. Т. 8. С. 138–157.

Лавджой А. Лекция XVII: принцип изобилия и оптимизм XVIII века // Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001. С. 216–234.

Лейбниц Г. В. Опыт теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Соч.: в 4 т. М., 1989. Т. 4. С. 49–497.

Поповский Н. Н. Опыт о человеке господина Попе. Письмо четвертое. О естестве и состоянии человека в рассуждении первого благополучия // Поэты XVIII века / сост. Г. П. Макогоненко, И. З. Серман. Л., 1972. Т. 1. С. 79–97.

Поуп А. Опыт о человеке / пер. В. Микушевича // Поуп А. Поэмы. М., 1988. С. 141–188.

Рейхель И. Г. Примечание к следующему письму, посланному от г. Руссо к г. Волтеру <по поводу поэмы Вольтера «О разрушении Лиссабона»> // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология. СПб., 2005. С. 76–77.

Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. М., 1762. Ч. 4.

Anonym. Abhandlung über den Satz des Herrn Pope: Alles was ist, das ist gut, worinn 1) Der eigentliche Verstand dieses Satzes gezeiget, 2) Sein Verhältniß zu der Lehre von der Wahl des Besten erörtert, und 3) Ein Beweis seiner Annehmens-würdigkeit gegeben wird // Dissertation qui a remporté le prix proposé par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Prusse, sur l'optimisme, avec les pièces qui ont concouru. Berlin, 1755a. S. 1–48.

Anonym. Abhandlung über den Satz des Herrn Pope: Alles was ist, das ist gut // Dissertation qui a remporté le prix proposé par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Prusse, sur l'optimisme, avec les pièces qui ont concouru. Berlin, 1755b. S. 1–43.

Anonym. Discours sur cette question, tout est-il bien? Proposée, par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Berlin, pour le prix de l'Année 1755 // Dissertation qui a remporté le prix proposé par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Prusse, sur l'optimisme, avec les pièces qui ont concouru. Berlin, 1755в. P. 1–31.

Anonym. Leipzig // Neue Zeitungen von gelehrten Sachen auf das Jahr 1753 / hrsg. von J. G. Krause. Leipzig, 1753. S. 934–936.

Anonym. 1753, Leipzig, in: Krause, J. G. (hg.), *Neue Zeitungen von gelehrten Sachen auf das Jahr 1753*, Leipzig, pp. 934–936.

Anonym. 1755a, Abhandlung über den Satz des Herrn Pope: Alles was ist, das ist gut, worinn 1) Der eigentliche Verstand dieses Satzes gezeiget, 2) Sein Verhältniß zu der Lehre von der Wahl des Besten erörtert, und 3) Ein Beweis seiner Annehmens-würdigkeit gegeben wird, in: *Dissertation qui a remporté le prix proposé par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Prusse, sur l'optimisme, avec les pièces qui ont concouru*, Berlin, pp. 1–48.

Anonym. 1755b, Abhandlung über den Satz des Herrn Pope: Alles was ist, das ist gut, in: *Dissertation qui a remporté le prix proposé par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Prusse, sur l'optimisme, avec les pièces qui ont concouru*, Berlin, pp. 1–43.

Anonym. 1755c, Discours sur cette question, tout est-il bien? Proposée, par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Berlin, pour le prix de l'Année 1755. In: *Dissertation qui a remporté le prix proposé par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Prusse, sur l'optimisme, avec les pièces qui ont concouru*, Berlin, pp. 1–31.

Baumeister, F. Ch. 1741, *Historia doctrinae recentius controversae de mundo optimo*, Leipzig.

Bogdanovich, I. F. 1957, Poem on the Lisbon Disaster. In: Bogdanovich, I. F. *Stikhotvoreniya i poemy [The Poems]*, ed. by I. Z. Serman, Leningrad, pp. 207–212. (In Russ.)

Breidert, W. (Hg.) 1994, *Die Erschütterung der vollkommenen Welt. Die Wirkung des Erdbebens von Lissabon im Spiegel europäischer Zeitgenossen*, Darmstadt.

Buschmann, C. 1987, Philosophischen Preisfragen und Preisschriften der Berliner Akademie. Ein Beitrag zur Leibniz-Rezeption im 18. Jahrhundert, in: *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, Bd. 35, pp. 779–789.

Buschmann, C. 1989, Die philosophischen Preisfragen und Preisschriften der Berliner Akademie der Wissenschaften im 18. Jahrhundert, in: Förster, W. (hg.), *Aufklärung in Berlin*, Berlin, pp. 165–228.

Carboncini, S. 1986, Christian August Crusius und die Leibniz-Wolffsche Philosophie, in: Heinekamp, A. (hg.), *Beiträge zur Wirkungs- und Rezeptionsgeschichte von Gottfried Wilhelm Leibniz*, Stuttgart, pp. 110–125.

Ciafardone, R. 1983, Von der Kritik an Wolff zum vor-kritischen Kant. Wolff-Kritik bei Rüdiger und Crusius, in: Schneiders, W. (hg.), *Christian Wolff: 1679–1754; Interpretationen zu seiner Philosophie und deren Wirkung; mit einer Bibliographie der Wolff-Literatur*, Hamburg, pp. 289–305.

Crousaz, J. P. de. 1737, *Examen de l'essai de M. Pope sur l'homme*, Lausanne.

Crusius, Chr. A. 1743, *Dissertatio philosophica de usu et limitibus principii rationis determinantis, vulgo sufficientis*, Leipzig.

Crusius, Chr. A. 1744, *Ausführliche Abhandlung von dem rechten Gebrauch und der Einschränkung des sogenannten Satzes vom zureichenden, oder besser determinirenden Grunde*, aus dem Lateinischen übers. von Chr. F. Krausen, Leipzig.

Crusius, Chr. A., 1753, *Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie zu den zufälligen entgegen gesetzt werden*, Leipzig.

Crusius, Chr. A. 1767, *Anweisung vernünftig zu leben, Darinnen nach Erklärung der Natur des menschlichen Willens die natürlichen Pflichten und allgemeinen Klugheitslehren im richtigen Zusammenhange vorgetragen werden*, Leipzig.

Festner, C. 1892, *Chr. Aug. Crusius als Metaphysiker*, Halle.

Finster, R. 1982, Spontaneität, Freiheit und unbedingte Kausalität bei Leibniz, Crusius und Kant, in: *Studia Leibnitiana*, Bd. 14, pp. 266–277.

B.H. Brockes aus dem Englischen übersetzter Versuch vom Menschen des Herrn Alexander Pope nebst verschiedenen andern Übersetzungen und einigen Gedichten: Nebst einer Vorrede und einem Anhang von Briefen, worinnen die Entwürfe des Herrn C. ... wider den essay on man beantwortet werden, aus der History of the works of the learned übers. von B. J. Zinck. Hamburg, 1740.

Baumeister F. Chr. *Historia doctrinae recentius controversae de mundo optimo*. Leipzig; Görlitz, 21741 (11740).

Buschmann C. Die Philosophischen Preisfragen und Preisschriften der Berliner Akademie der Wissenschaften im 18. Jahrhundert // Förster W. (Hrsg.). *Aufklärung in Berlin*. Berlin, 1989. S. 165–228.

Buschmann C. Philosophische Preisfragen und Preisschriften der Berliner Akademie. Ein Beitrag zur Leibniz-Rezeption im 18. Jahrhundert // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 1987. Bd. 35. S. 779–789.

Carboncini S. Christian August Crusius und die Leibniz-Wolffische Philosophie // *Beiträge zur Wirkungs- und Rezeptionsgeschichte von Gottfried Wilhelm Leibniz / hrsg. von A. Heinekamp*. Stuttgart, 1986. S. 110–125.

Ciafardone R. Von der Kritik an Wolff zum vorkritischen Kant. Wolff-Kritik bei Rüdiger und Crusius // *Christian Wolff: 1679–1754; Interpretationen zu seiner Philosophie und deren Wirkung; mit einer Bibliographie der Wolff-Literatur / hrsg. von W. Schneiders*. Hamburg, 1983. S. 289–305.

Crousaz J.P. de. *Examen de l'essai de M. Pope sur l'homme*. Lausanne, 1737.

Crusius Chr. A. Anweisung vernünftig zu leben, Darinnen nach Erklärung der Natur des menschlichen Willens die natürlichen Pflichten und allgemeinen Klugheitslehren im richtigen Zusammenhange vorgetragen werden. Leipzig, 1767.

Crusius Chr. A. Ausführliche Abhandlung Von dem rechten Gebrauch und der Einschränkung des sogenannten Satzes Vom Zureichenden oder besser Determinirenden Grunde / aus dem Lateinischen übers. von Chr. F. Krausen. Leipzig, 1744.

Crusius Chr. A. *Dissertatio philosophica de usu et limitibus principii rationis determinantis, vulgo sufficientis*. Leipzig, 1743.

Crusius Chr. A. Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie zu den zufälligen entgegen gesetzt werden. Leipzig, 21753 (11745).

Das Erdbeben von Lissabon und der Katastrophendiskurs im 18. Jahrhundert / hrsg. von G. Lauer, Th. Unger. Göttingen, 2008.

Die Erschütterung der vollkommenen Welt. Die Wirkung des Erdbebens von Lissabon im Spiegel europäischer Zeitgenossen / hrsg. von W. Breidert. Darmstadt, 1994.

Festner C. Chr. Aug. Crusius als Metaphysiker : Diss. Halle, 1892.

Finster R. Spontaneität, Freiheit und unbedingte Kausalität bei Leibniz, Crusius und Kant // *Studia leibnitiana*. 1982. Bd. 14. S. 266–277.

Fonnesu L. Der Optimismus und seine Kritiker im Zeitalter der Aufklärung // *Studia Leibnitiana*. 1994. Bd. 26. S. 131–162.

Gottsched J. Chr. Beweis, daß diese Welt unter allen die beste sey // Gottsched J. Chr. *Erste Gründe der gesammten Weltweisheit, Praktischer Theil*. Darinn die allgemeine Sittenlehre, das Recht der Natur, die Tugend- und Staatslehre enthalten ist. Nebst einem Anhang verschiedener philosophischen Abhandlungen, und einer Vorrede von des Verfassers ersten Schriften. Leipzig, 1756. S. 460–482.

Gottsched J. Chr. *De optimismi macula diserte nuper Alexandro Popio anglo, tacite autem G. G. Leibnitio, perperam licet, inusta*. Leipzig, 1753.

Günther H. *Das Erdbeben von Lissabon und die Erschütterung des aufgeklärten Europa*. Frankfurt a/M, 2005.

Fonnesu, L. 1994, *Der Optimismus und seine Kritiker im Zeitalter der Aufklärung*, in: *Studia Leibnitiana*, Bd. 26, pp. 131–162.

Gottsched, J. Chr. 1753, *De optimismi macula diserte nuper Alexandro Popio anglo, tacite autem G. G. Leibnitio, perperam licet, inusta*, Leipzig.

Gottsched, J. Chr. 1756, *Beweis, daß diese Welt unter allen die beste sey*, in: Gottsched, J. Chr. *Erste Gründe der gesammten Weltweisheit, Praktischer Theil*. Darinn die allgemeine Sittenlehre, das Recht der Natur, die Tugend- und Staatslehre enthalten ist. Nebst einem Anhang verschiedener philosophischen Abhandlungen, und einer Vorrede von des Verfassers ersten Schriften, Leipzig, pp. 460–482.

Günther, H. 2005, *Das Erdbeben von Lissabon und die Erschütterung des aufgeklärten Europa*, Frankfurt a/M.

Harnack, A. von, 1900, *Geschichte der preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, Bd. 1.1, Berlin.

Heimsoeth, H. 1956, *Metaphysik und Kritik bei Chr. A. Crusius*. Ein Beitrag zur ontologischen Vorgeschichte der Kritik der reinen Vernunft im 18. Jahrhundert, in: Heimsoeth, H. *Studien zur Philosophie Immanuel Kants. Metaphysische Ursprünge und ontologische Grundlagen*, Köln, pp. 125–188.

Hellwig, M. 2008, *Alles ist gut: Untersuchungen zur Geschichte einer Theodizee-Formel im 18 in Deutschland, England und Frankreich*, Würzburg.

Hübener, W. 1978, *Sinn und Grenzen des Leibnizschen Optimismus*, in: *Studia Leibnitiana*, Bd. 10, pp. 222–246.

Kant, I. 1821, [Metaphysik LI], in: Kant, I. *Vorlesungen über die Metaphysik*, zum Drucke befördert von dem Herausgeber der Kantischen Vorlesungen über die philosophische Religionslehre [K. H. L. Pölitz]. Nebst einer Einleitung, welche eine kurze Übersicht der wichtigsten Veränderungen der Metaphysik seit Kant enthält, Erfurt, pp. 80–343.

Kant, I. 1997, *Metaphysik Mrongovius*, in: Kant I. *Lectures on Metaphysics*. Cambridge.

Kant, I. 2016, *Lectures on Philosophical Theology*, ed. by K. H. L. Pölitz, transl. and comment. by L. E. Kryshtop, ed. by A. N. Krouglov, Moscow. (In Russ.)

Kanzian, Chr. 1993, *Kant und Crusius 1763*, in: *Kant-Studien*, Bd. 84, pp. 399–407.

Klemme, H. F. 2008, *Moralisches Sollen, Autonomie und Achtung. Kants Konzeption der „libertas indifferentiae“ zwischen Wolff und Crusius*, in: Rohden, V. u.a. (Hg.), *Recht und Frieden in der Philosophie Kants*. Akten des X. Internationalen Kant-Kongresses, Bd. 5, Berlin, pp. 215–227.

Knebel, S. K. 1991, *Necessitas moralis ad optimum: Zum historischen Hintergrund der Wahl der besten aller möglichen Welten*, in: *Studia Leibnitiana*, Bd. 23, pp. 3–24.

Lasswitz, K. 1912, *Einleitung*, in: AA 02, Berlin, pp. 461–462.

Lauer, G., Unger, Th. (Hg.) 2008, *Das Erdbeben von Lissabon und der Katastrophendiskurs im 18. Jahrhundert*, Göttingen.

Leibniz, G. W. 2010, *Theodicy*, Cosmo, Inc.

Lessing, G. E., Mendelssohn, M. 1755, *Pope ein Metaphysiker!* Danzig.

Lindner, J. G. 1926, *Brief an I. Kant vom 15./26. Xbr 1759*, in: AA 10, pp. 24–25.

Löffler, U. 1999, *Lissabons Fall – Europas Schrecken. Die Deutung des Erdbebens von Lissabon im deutschsprachigen Protestantismus des 18. Jahrhunderts*, Berlin.

Lovejoy, A. 1936, *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Harvard.

Marquardt, A. 1885, *Kant und Crusius. Ein Beitrag zum richtigen Verständnis der crusianischen Philosophie*, Kiel.

Harnack A. von. *Geschichte der preußischen Akademie der Wissenschaften* zu Berlin. Berlin, 1900. Bd. 1.1.

Heimsoeth H. *Metaphysik und Kritik bei Chr. A. Crusius. Ein Beitrag zur ontologischen Vorgeschichte der Kritik der reinen Vernunft im 18. Jahrhundert* // Heimsoeth H. *Studien zur Philosophie Immanuel Kants. Metaphysische Ursprünge und ontologische Grundlagen*. Köln, 1956. S. 125–188.

Hellwig M. *Alles ist gut: Untersuchungen zur Geschichte einer Theodizee-Formel im 18. Jahrhundert in Deutschland, England und Frankreich*. Würzburg, 2008.

Hübener W. *Sinn und Grenzen des Leibnizschen Optimismus* // *Studia Leibnitiana*. 1978. Bd. 10. S. 222–246.

Kant I. [Metaphysik L1] // Kant I. *Vorlesungen über die Metaphysik* / Zum Drucke befördert von dem Herausgeber der Kantischen Vorlesungen über die philosophische Religionslehre [K. H. L. Pöhlitz]. *Nebst einer Einleitung, welche eine kurze Übersicht der wichtigsten Veränderungen der Metaphysik seit Kant enthält*. Erfurt, 1821. S. 80–343.

Kanzian Chr. *Kant und Crusius 1763* // *Kant-Studien*. 1993. Bd. 84. S. 399–407.

Klemme H. F. *Moralisches Sollen, Autonomie und Achtung. Kants Konzeption der „libertas indifferentiae“ zwischen Wolff und Crusius* // *Recht und Frieden in der Philosophie Kants. Akten des X. Internationalen Kant-Kongresses*. Bd. 5 / hrsg. von V. Rohden u.a. Berlin, 2008. S. 215–227.

Knebel S. K. *Necessitas moralis ad optimum: Zum historischen Hintergrund der Wahl der besten aller möglichen Welten* // *Studia Leibnitiana*. 1991. Bd. 23. S. 3–24.

Lasswitz K. *Einleitung* // AA, 02, 1912. S. 461–462.

Lessing G. E., Mendelssohn M. *Pope ein Metaphysiker!* Danzig, 1755.

Lindner J. G. *Brief an I. Kant vom 15./26. Xbr 1759* // AA, 10, 1922, S. 24–25.

Löffler U. *Lissabons Fall – Europas Schrecken. Die Deutung des Erdbebens von Lissabon im deutschsprachigen Protestantismus des 18. Jahrhunderts*. Berlin, 1999.

Marquardt A. *Kant und Crusius. Ein Beitrag zum richtigen Verständnis der crusanischen Philosophie: Diss.* Kiel, 1885.

Mendelssohn M. *Brief 24. Ueber des Herrn Reinholds Examen de l'Optimisme* // *Briefe, die neueste Literatur betreffend*. Berlin, 1759. Tl. 1. S. 149–153.

Philosophisches Lehrgedichte vom Menschen aus dem Englischen des Herrn Alexander Pope übersetzt. Leipzig, 1756.

Red. Optimismus // *Historisches Wörterbuch der Philosophie* / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer. Basel, 1984. Bd. 6. Sp. 1240.

Reinhard A. F. *Le système de Mr. Pope sur la perfection de monde, comparé à celui de Mr. de Leibnitz, avec un examen de l'optimisme, pour satisfaire au problème proposé par l'Académie Royale des sciences et belles-lettres de Berlin, pour le Prix de l'Année 1755* // *Dissertation qui a remporté le prix proposé par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Prusse, sur l'optimisme, avec les pièces qui ont concouru*. Berlin, 1755. P. 1–48.

Reinhard A. F. *Abhandlung Von der Besten Welt. Welche den von der Königlich-Preußischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin für das 1755 Jahr ausgesetzten Preis erhalten* / aus dem Französischen übersetzt von J. A. F. v. G.[entzkow]. Greifswald, 1757a.

Reinhard A. F. *Vergleichung des Lehrgebäudes des Herrn Pope von der Vollkommenheit der Welt, mit dem System des Herrn von Leibnitz. Nebst einer Untersuchung der Lehre von der besten Welt. Eine Abhandlung, welche den, von der königl. Akademie der Wissenschaften und schönen Künste zu Berlin, aufgesetzten Preis vom Jahre 1755 davon getragen hat. Nebst einer Abhandlung des*

Mendelssohn, M. 1759, *Brief 24. Ueber des Herrn Reinholds Examen de l'Optimisme*, in: *Briefe, die neueste Literatur betreffend*, Tl. 1, Berlin, pp. 149–153.

Pope, A. 1740, *B. H. Brockes aus dem Englischen übersetzter Versuch vom Menschen des Herrn Alexander Pope nebst verschiedenen andern Übersetzungen und einigen Gedichten: Nebst einer Vorrede und einem Anhang von Briefen, worinnen die Entwürfe des Herrn C.... wider den Essay on Man beantwortet werden, aus der History of the Works of the Learned* übers. von B. J. Zinck, Hamburg.

Pope, A. 1756, *Philosophisches Lehrgedichte vom Menschen*, aus dem Englischen des Herrn Alexander Pope übersetzt, Leipzig.

Pope, A. 1988, *An Essay on Man*, in: Pope, A. *Poemy [The Poems]*, Moscow, pp. 141–188. (In Russ.)

Popovskiy, N. N. 1972, *Mr. Pope's Essay on Man*, in: *Poety XVIII veka [Poets of 18th Century]*, vol. 1, ed. by G. P. Makogonenko, I. Z. Serman, Leningrad, pp. 79–97. (In Russ.)

Redaktion, 1984, *Optimismus*, in: *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, Bd. 6, Basel, S. 1240.

Reichel, J. G. 2005, *Note to the following letter sent from Mr. Rousseau to Mr. Voltaire*, in: J.-J. *Rousseau: pro et contra. Idei Jean-Jacka Rousseau v vospriyatii i ozenke russkikh mysliteley i issledovatelye (1752–1917)*. *Antologiya [J.-J. Rousseau: pro et contra. The ideas of Jean-Jacques Rousseau in the perception and evaluation of Russian thinkers and investigators (1752–1917)]*, Anthology], St.-Petersburg, pp. 76–77. (In Russ.)

Reinhard, A. F. 1755, *Le système de Mr. Pope sur la perfection de monde, comparé à celui de Mr. de Leibnitz, avec un examen de l'optimisme, pour satisfaire au problème proposé par l'Académie Royale des sciences et belles-lettres de Berlin, pour le Prix de l'Année 1755*, in: *Dissertation qui a remporté le prix proposé par l'Académie Royale des sciences et belles lettres de Prusse, sur l'optimisme, avec les pièces qui ont concouru*, Berlin, pp. 1–48.

Reinhard, A. F. 1757a, *Abhandlung von der besten Welt. Welche den von der Königlich-Preußischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin für das 1755 Jahr ausgesetzten Preis erhalten*, aus dem Französischen übersetzt von J. A. F. v. G.[entzkow], Greifswald.

Reinhard, A. F. 1757b, *Vergleichung des Lehrgebäudes des Herrn Pope von der Vollkommenheit der Welt, mit dem System des Herrn von Leibnitz. Nebst einer Untersuchung der Lehre von der besten Welt. Eine Abhandlung, welche den, von der königl. Akademie der Wissenschaften und schönen Künste zu Berlin, aufgesetzten Preis vom Jahre 1755 davon getragen hat. Nebst einer Abhandlung des Hrn. Bürlamaquai, von dem Willen und der Freyheit des Menschen, beydes aus dem Französischen übersetzt* [von Chr. A. Wichmann], Leipzig.

Rousseau, J.-J. 1782, *Lettre à Voltaire sur la Providence (1756)*, in: Rousseau, J.-J. *Collection complète des œuvres*, T. 12, Genève, pp. 91–112.

Sobranie luchshikh sochineniy k rasprostraneniyu znaniya i k proizvedeniyu udovolstviya [Collection of the best works for the dissemination of knowledge and for the product of pleasure], no. 4, 1762, Moscow. (In Russ.)

Sucro, J. J. 1746, *Die beste Welt*. Ein Lehrgedicht, Halle.

Vaihinger, H. 1923–1924, *Pessimismus und Optimismus vom Kantschen Standpunkt aus*, in: *Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie*, Bd. 17, pp. 161–188.

Voltaire, 1830, *Œuvres*, par J. Q. Beuchot, T. 38, Paris.

Voltaire, 1880, *Correspondance: année 1738*, in: *Œuvres complètes de Voltaire*, T. 34, Paris, pp. 374–582.

Voltaire, 2005, *Candide: or Optimism*, Penguin.

Voltaire, 2013, *Poem on the Lisbon Disaster*, transl. by A. Lyon. URL: <https://static1.squarespace.com/static/55316a91e4b06d7c3b4>

Hrn. Bürlamaquai, von dem Willen und der Freyheit des Menschen / Beydes aus dem Französischen übersetzt [von Chr. A. Wichmann]. Leipzig, 1757c.

Rousseau J.-J. Lettre à Voltaire sur la Providence (1756) // Rousseau J.-J. Collection complète des œuvres. Genève, 1782. T. 12. P. 91–112.

Sammlung der Streitschriften über die Lehre von der besten Welt, und verschiedene damit verknüpfte wichtige Wahrheiten, welche zwischen dem Verfasser der im Jahr 1755. von der Akademie zu Berlin gekrönten Schrift vom Optimismo und einigen berühmten Gelehrten gewechselt worden, mit einer Vorrede hrsg. von Chr. Ziegler. Rostock ; Wismar, 1759.

Sucro J. J. Die beste Welt. Ein Lehrgedicht. Halle, 1746.

Vaihinger H. Pessimismus und Optimismus vom Kantschen Standpunkt aus // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. 1923–1924. Bd. 17. S. 161–188.

Voltaire. Correspondance: année 1738 // Œuvres complètes de Voltaire. P., 1880. T. 34. P. 374–582.

Voltaire. Œuvres / par J. Q. Beuchot. P., 1830. T. 38.

Walch J. G. Philosophisches Lexikon. Leipzig, 1726.

Warda A. Immanuel Kants Bücher. Mit einer getreuen Nachbildung des bisher einzigen bekannten Abzuges des Versteigerungskataloges der Bibliothek Kants, Berlin, 1922.

Waser J. H., Wieland Chr. M. Beurtheilung der Schrift die im Jahr 1755. den Preiß von der Academie zu Berlin erhalten hat; Nebst einem Schreiben an de Verfasser der Dunciade, für die Deutschen. Frankfurt ; Leipzig, 1757.

Wundt M. Kant als Metaphysiker. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Philosophie im 18. Jahrhundert. Stuttgart, 1924.

Об авторе

Алексей Николаевич Круглов, доктор философских наук, профессор кафедры истории западной философии философского факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: akrouglov@mail.ru

Для цитирования:

Круглов А. Н. Проблема оптимизма у Канта: возникновение спора // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 1. С. 9–24. doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-1.

35f17/t/553ee5d5e4b037292cdd7e85/1430185429744/Voltaire+Poem+on+the+Lisbon+Disaster+%282014+%29.pdf (accessed: December 20, 2017).

Voltaire, 2005, Tout est bien / All is good, in: Iverson, J. (ed.), *Resources pertaining to Candide*, the Voltaire Society of America. URL: <https://www.whitman.edu/VSA/Candide/tout.est.bien.html> (accessed: December 20, 2017)

Walch, J. G. 1726, *Philosophisches Lexikon*, Leipzig.

Walford, D., Meerbote, R. 2003, Introductions to the Translations: Optimism, in: Kant, I. *Theoretical Philosophy 1755–1770*, Cambridge, pp. liv-lvii.

Warda, A. 1922, *Immanuel Kants Bücher. Mit einer getreuen Nachbildung des bisher einzigen bekannten Abzuges des Versteigerungskataloges der Bibliothek Kants*, Berlin.

Waser, J. H., Wieland, Chr. M. 1757, *Beurtheilung der Schrift die im Jahr 1755. den Preiß von der Academie zu Berlin erhalten hat; Nebst einem Schreiben an de Verfasser der Dunciade, für die Deutschen*, Frankfurt.

Wundt, M. 1924, *Kant als Metaphysiker. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Philosophie im 18. Jahrhundert*, Stuttgart.

Zhuchkov, V. A. 1996, *Iz istorii nemezkoj filosofii XVIII veka (predklassicheskiy period) [From the History of German Philosophy of the 18th Century (Pre-classical Period)]*, Moscow. (In Russ.)

Ziegler, Chr. (Hg.) 1759, *Sammlung der Streitschriften über die Lehre von der besten Welt, und verschiedene damit verknüpfte wichtige Wahrheiten, welche zwischen dem Verfasser der im Jahr 1755. von der Akademie zu Berlin gekrönten Schrift vom Optimismo und einigen berühmten Gelehrten gewechselt worden*, Rostock.

The author

Prof. Alexei N. Krouglov, Section of the History of Foreign Philosophy, Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: akrouglov@mail.ru

To cite this article:

Krouglov, A. N., 2018, Kant and the Problem of Optimism: Origins of the Debate. *Kantian Journal*, vol. 37, no. 1, pp. 9–24. doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-1.